

Серия
«Антология мысли»

1864—1920

М. Вебер

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Переводчик — **Е. С. Петрушевская**

Под редакцией **Д. М. Петрушевского**

**Книга доступна на образовательной платформе «Юрайт» urait.ru,
а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»**

Москва ■ Юрайт ■ 2021

УДК 94
ББК 63.3(0)3
В26

Автор:

Вебер Макс (1864—1920) — немецкий социолог, философ, историк, политический экономист.

Вебер, М.

В26 Аграрная история Древнего мира / М. Вебер ; под редакцией Д. М. Петрушевского ; переводчик Е. С. Петрушевская. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 319 с. — (Антология мысли). — Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-534-10819-4

Классический труд экономической мысли, книга немецкого философа, Макса Вебера — это теоретический базис, заложивший основу современному экономическому мироустройству. Автор углубляет и конкретизирует идею «дивергенции» античного и современного типов капитализма.

Печатается по изданию 1923 г.

Издание может представлять интерес не только для студентов, но и для научных работников, преподавателей и практикующих специалистов.

Издание имеет значительную историческую, художественную или иную культурную ценность и в соответствии с пунктом 3 части 2 статьи 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» под действие указанного Федерального закона не подпадает.

УДК 94
ББК 63.3(0)3

Разыскиваем правообладателей и наследников Петрушевской Е. С.:

<https://www.urait.ru/inform>

Пожалуйста, обратитесь в Отдел договорной работы:

+7 (495) 744-00-12; e-mail: expert@urait.ru

Оглавление

От редактора.....	6
Введение.....	8

Часть первая ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Глава первая. Месопотамия.....	53
Глава вторая. Египет.....	73
I. Древнее царство.....	73
II. Среднее царство.....	82
III. Новое царство.....	84
Глава третья. Израиль.....	99

Часть вторая ЭЛЛАДА

Глава первая. Доклассическая эпоха.....	113
Глава вторая. Классическая эпоха (Афины).....	150
Глава третья. Эллинизм.....	177

Часть третья РИМ

Глава первая. Город-государство.....	215
Глава вторая. Эпоха территориального расширения Рима.....	255
Глава третья. Основы развития в императорскую эпоху.....	280
Литература.....	307

От редактора

Предлагаемая читателям книга представляет собою точный перевод статьи Макса Вебера *Agrarverhältnisse im Altertum*, напечатанной в первом томе третьего издания (1909 год) известного *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, издаваемого под редакцией Conrad'a, Elster'a, Lexis'a и Loening'a. Для того чтобы сделать работу Макса Вебера более удобной для чтения и изучения, редактору казалось вполне естественным обозначить как части и главы те подразделения, на которые разбил ее сам автор, и кроме того напечатать весь текст, кроме подстрочных примечаний, одним шрифтом, не прибегая к мелкому шрифту, которым так неумеренно часто принужден был пользоваться автор, по-видимому, чувствовавший себя очень стесненным необычными для словарной статьи размерами своей работы.

Так как работа Макса Вебера была напечатана в 1909 году, то все, что он говорит в ней о России, имеет уже чисто исторический интерес.

Перевод последней, третьей части книги, посвященной Риму, а также страниц, посвященных систематическому обзору источников и литературы по рассмотренным автором вопросам сделан редактором лично.

Имя Макса Вебера недостаточно известно в России. Обыкновенному русскому читателю оно могло бы быть знакомо по его известной статье «Социальные причины падения античной культуры», переведенной на русский язык и напечатанной в издававшемся в Москве журнале «Научное слово» (1904, VII). Ученый и серьезно учащийся читатель мог знать его *Römische Agrargeschichte*, вышедшую в 1891 году и сразу поставившую ее двадцатисемилетнего автора (за два года перед тем напечатавшего книгу *Zur Geschichte der Handelsgesellschaften im Mittelalter*) в один из первых рядов европейских ученых. Лишь специалисты, имевшие возможность следить за текущей жизнью европейской социальной науки по специальным журналам и, в частности, по журналу *Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik*, одним из редакторов которого с 1904 года был Макс Вебер, могли познакомиться с его замечательными статьями о протестантской этике и ее влиянии на развитие духа капитализма, об объективности социально-научного и социально-политического познания и с целым рядом его других работ по теории дознания в об-

ласти социальных наук, по теоретической и прикладной экономике, по истории религии, по вопросам политики и социализма и даже по русским вопросам (Макс Вебер знал русский язык и изучал русские вопросы по русским источникам). Только они могли получить более или менее адекватное представление о Максе Вебере, увидеть в нем того, кем он был на самом деле. Да и то не вполне. Лишь после смерти Макса Вебера (в 1920 году), когда один том за другим стали выходить собранные в книги его работы — *Gesammelte (Aufsätze zur Religionssoziologie, Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre и др.)*, и среди них и такие, которые не успели увидеть свет при жизни их автора, стало возможным вполне ясно представить себе научную личность Макса Вебера во весь ее поистине колоссальный рост. Его лебединой песней была недавно вышедшая в виде изящно изданного монументального тома замечательная работа *Wirtschaft und Gesellschaft* (напечатанная первоначально в четырех выпусках издаваемого в Тюбингене коллективного *Grundriss der Sozialökonomik*), в которой он подводит социологические итоги своим разнообразным специальным изысканиям в форме широкого социологического синтеза.

Предлагаемая читателям книга об аграрном развитии Древнего мира и по широте захвата, и по глубине и оригинальности истолкования явлений древнего хозяйственного развития является единственной в научной литературе. Эта *аграрная* история Древнего мира дает гораздо больше, чем обещает ее скромное заглавие, изображая и истолковывая аграрную эволюцию древности в живой связи с социальной и политической эволюцией. Исключительный дар Макса Вебера уловлять и ясно и отчетливо устанавливать взаимную обусловленность явлений общественного развития, а также замечать общее и типическое под пестрым покровом индивидуального проявляет себя здесь во всем блеске. «Аграрная история Древнего мира» — блестящий образец истинно научной социологической работы в смысле эмпирической социологии (*empirische Soziologie*, по выражению самого Макса Вебера), ни на минуту не оставляющей реальной почвы широкого и многообразного исторического опыта. Серьезное изучение этой книги не только превосходно ориентирует в хозяйственных, социальных и политических основах древней культуры, но и может научить историческому мышлению в его современной, чрезвычайно сложной, социологической постановке.

Введение

Для поселений европейского Запада, в противоположность поселениям культурных народов азиатского Востока, общим является то, что — если формулировать это коротко и потому не совсем точно — на Западе переход к окончательной оседлости есть переход от сильного преобладания *скотоводства* или, еще точнее, разведения молочного скота, над земледелием к перевесу земледелия над совместно с ним существовавшим скотоводством, а на Востоке, напротив, это есть переход от экстенсивного, следовательно, связанного с переходами с места на место землепользования (*Ackernutzung*) к интенсивному земледелию (*zum gartenmässigen Ackerbau*) без разведения молочного скота. Эта противоположность лишь относительная и к доисторическим временам, может быть, и не относится. Но, поскольку она существовала в историческое время, значение ее было достаточно велико. Ее последствием было то, что присвоение земли в собственность у европейских народов всегда связано с выделением на занятой общиной территории определенных пространств под *пастбище* и предоставлением их в исключительное пользование более мелким общинам, тогда как у азиатов, напротив, *этот* исходный пункт и тем самым и им обусловленные явления первобытной «общности полей» (*Feldgemeinschaft*), например, западное понятие марки и альменды; отсутствуют или имеют другой экономический смысл. Поэтому элементы общности полей в деревенском строе азиатского Востока, поскольку они вообще не новейшего происхождения, не возникли, например, из особенностей податной системы, носят совсем иной отпечаток, чем в Европе. И «индивидуализм» как форма владения стадами со всеми его последствиями отсутствует у народов азиатского Востока. У западных же народов, напротив (мы разумеем преимущественно, но не исключительно Европу), мы почти повсюду можем проследить развитие до известных исходных пунктов. Обычно тут — насколько мы можем судить — перешедшее окончательно к *оседлости* земледелие возникло с сужением пищевой площади путем перенесения центра тяжести питания с дохода от разведения молочного скота на доход с полей. Это относится не только к Северо-Западной Европе, но по существу и к Южной Европе, и Передней Азии. Но, впрочем, в Передней Азии (в Месопотамии), как и у единственного крупного африканского культурного народа, египтян, этот ход раз-

вития уже в доисторическую эпоху был сильно изменен решающим влиянием связанной с системой орошения речной культуры (*Stromufer- und Bewässerungskultur*), которая, как можно себе по крайней мере представить, могла развиваться непосредственно из первобытного, предшествовавшего приручению домашних животных, чистого земледелия в свою позднейшую форму огородной культуры, но во всяком случае и в историческую эпоху наложила на всю хозяйственную жизнь свой очень специфический отпечаток.

Напротив, эллинские общества, а также — несмотря на как раз там, в древних источниках, сильно выступающее значение скота именно как *рабочего* (а не молочного) скота — и римское общество в своей аграрной основе обнаруживают по существу больше родства с нашими средневековыми условиями. Черты, резко *отличающие* древность от средневековья, выработались на той ступени развития, когда после окончательного перехода к прочной оседлости масса населения необходимостью более интенсивной работы была прикована к земле и по своим экономическим условиям не была уже способна служить для *военных* целей, так что путем разделения труда выделилось *профессиональное военное сословие*, которое и старалось для извлечения средств на свое содержание эксплуатировать безоружную массу. Развитие военной *техники* до степени искусства, требующего постоянного совершенствования и упражнения и потому доступного только людям, посвятившим себя этой профессии, шло с этим параллельно, отчасти как следствие, отчасти как вызывающая его причина. В Европе в начале Средних веков подобный процесс привел, как известно, к возникновению феодализма. В *той* форме, в какой он возник там и в то время, древность знала его только в зачатках: соединение вассалитета и бенефиция и та форма, в какую вылилось романо-германское ленное право, не имеют полной аналогии в древности в историческую эпоху. Но ведь совсем и не нужно и неправильно ограничивать понятие феодализма только этой специальной его формой. Культурным народам, как азиатского Востока, так и древней Америки, были известны учреждения, которые мы, имея в виду их функцию, без всякого колебания признаем феодальными, и непонятно, почему бы не подвести под это понятие и *все* те социальные учреждения, в основе которых лежит выделение из общей массы живущего для войны и службы царю господствующего слоя (*Herrenschicht*) и содержание его при помощи привилегированного землевладения, рент и барщин зависимого безоружного населения, будут ли то чиновничьи лены (*die Amtslehen*) в Египте и Вавилоне или спартанское государственное устройство. Различие заключается лишь в том, каким *образом* расчленен военный класс и экономически обеспечен.

Среди различных возможностей расселение господствующего класса по всей стране в качестве *вотчинных землевладельцев*

(*Grundherren*) есть та индивидуалистическая форма феодализма, которую мы встречаем на Западе в *Средние века* (а в зачатках уже и на исходе Древнего мира) и которая поддается точному анализу. Напротив, средиземноморская и, в частности, эллинская древность знала в начале своего культурного развития «городской феодализм» (*Stadtfeudalismus*) поселенных совместно в укрепленных местах профессиональных воинов. Не то чтобы «городской феодализм» был единственной формой феодализма, известной в древности; но в этой форме он прямо господствовал в позднейших центрах классической политической культуры в начале их своеобразного политического развития. Он означал поэтому для них еще нечто *большее*, чем то, что означало принудительное переселение сельского дворянства в некоторые города в средневековой Италии.

Импорт иноземной и более развитой военной техники производился в древности в *Южной Европе морским путем* и одновременно с тем, как раньше всего захваченные им прибрежные местности вступили в широкий, по крайней мере, если судить по его географическому протяжению, *оборот*. Как общее правило, классом, который прежде всего извлекал выгоду из этого оборота, как раз и был господствующий класс феодалов. Поэтому *специфически* античное феодальное развитие и привело к образованию феодальных *городов-государств*. Напротив, *Центральная Европа* в начале Средних веков *сухим путем* была захвачена по существу однородным военно-техническим развитием. Когда она созрела для феодализма, в ней *не было* такого, как в древности, сильно развитого оборота; поэтому здесь феодализм строился гораздо более на земельной основе и создал *феодальное поместье* (*Grundherrschaft*). Поэтому связь, которая связывала здесь господствующий военный слой, была по существу чисто личной связью ленной верности; в древности же это была гораздо более крепкая связь права городского гражданства.

Отношение этого *античного* городского феодализма к *меновому* хозяйству напоминает нам рост свободного ремесла в наших средневековых городах, падение господства, здесь знатных родов (*Geschlechter*), скрытую борьбу между городским хозяйством и феодальным поместьем (*Grundherrschaft*) и разложение феодального государства благодаря развитию денежного хозяйства в эпоху позднего Средневековья и в Новое время.

Но эти аналогии со средневековыми и современными явлениями, сами собой напрашивающиеся на каждом шагу, большей частью в высшей степени ненадежны и нередко прямо-таки вредны для непредвзятого познания. Ибо эти сходства легко могут быть обманчивы и нередко и действительно бывают такими. Античная культура имеет специфические особенности, которые резко отличают ее как от культуры средневековой, так и от культуры Нового времени. По своему экономическому центру тяжести она до нача-

ла императорской эпохи является на Западе *береговой, приморской культурой (Küstenkultur)*, а на Востоке и в Египте — *прибрежной, речной культурой (Stromuferkultur)* с географически экстенсивной и приносящей высокую прибыль междуместной (interlokalen) и международной торговлей, которая, однако, по относительному значению количеств обменивавшихся товаров, если исключить некоторые значительные *intermezzi*, остается *позади* позднего Средневековья.

Правда, предметы торговли очень разнообразны, и в их число входят и неблагородные металлы, и гораздо больше сырых материалов, чем можно было бы предполагать а priori. Но, с одной стороны, сухопутная торговля может только в отдельных пунктах, да и то лишь в отдельные периоды, идти в сравнение с торговлей позднего Средневековья; с другой стороны, и в морской торговле большинство предметов массового потребления играют действительно господствующую роль лишь в известных высших пунктах политического и экономического развития, прежде всего в случаях монополизации штапельного права: в Афинах, позднее в Родосе, в Египте и Риме. Сумма годового оборота, которую Белох определяет на основании данных об аренде пирейских пошлин за 401—400 годы (пошлина взималась в размере $1/50$ стоимости товара, арендная плата равнялась 30—36 талантам, следовательно, оборот был около 2000 талантов равняется около 13 млн фр.), составила бы, впрочем, для одного Пирея, к тому же так скоро после Пелопоннесской войны — и не принимая во внимание разницы в покупательной цепи денег — во всяком случае приблизительно $1/10$ внешнего оборота теперешнего греческого королевства (130—140 млн), что составляет, конечно, внушительную сумму и достоверную *в том случае*, если будет окончательно установлено, что эти торговые пошлины равнялись тогда лишь 2 % и что на откуп сданы были *только* они одни, а не вместе с какими-либо иными платежами. Но тут положительно все спорно. Еще внушительнее была бы сумма в 1 млн (родосских) драхм (равняется приблизительно 140 аттическим талантам), которой достигал, по утверждению родосцев (NB!), пошлинный сбор их острова (занимавшего, впрочем, исключительно привилегированное положение среди почти всех эллинистических государств) до основания свободной Делосской гавани (после того только 150 000 драхм!), если бы это утверждение не было довольно-таки сомнительно, несмотря на свой официальный характер. Чтобы тем более 5-процентный сбор с морского оборота *одних* союзных городов — не считая Афин и самых больших островов, — установленный афинянами в V веке взамен известных взносов союзников, хотя бы только по их субъективному расчету мог дать 1000 талантов, как утверждает Белох, представляется мне немислимым. Место из Фукидида, которое имеют при этом в виду, по своей чрезмерной

сжатости не может служить достаточным основанием для правильного понимания смысла этого мероприятия, и к тому же эту цифру трудно согласовать с 30—36 талантами аренды пирейских пошлин. И подать, заменяемая 5-процентным повышением цены ввозимых морем товаров, была бы детской игрой. 55 млн сестерций (16 млн франков), которым равнялся годовой ввоз Египта морем из Индии при Веспасиане, так как, по-видимому, чтение соответственного места источника правильно, составляют во всяком случае очень значительную сумму, выше которой, по-видимому, и не поднимался торговый оборот в античном мире в свободной частной торговле — без государственного контроля и без государственного пособия. При всяких цифрах, относящихся к античной древности, надо, кроме того, всегда помнить, что не одни вещи, но также и люди (рабы) составляли благодаря легкости их транспорта во времена расцвета торговли очень важный, а в мирные времена, при хорошем качестве — и очень ценный предмет торговли. Зависимость от подвоза иноземного хлеба там, где она в древности составляет постоянное явление, *всегда* была обстоятельством, которое вызывало вмешательство со стороны публичной власти и влекло за собой институционные и политические последствия самого широкого характера, потому что частная торговля являлась недостаточной для того, чтобы обеспечить продовольствие (литургии в Афинах, закупка хлеба государством на деньги, обеспеченные ипотекой, и раздача его гражданам, как в Самосе и т. д., вплоть до грандиозных мероприятий Рима).

Как известно, не только Средним векам, но и эпохе меркантилизма, и даже еще и в настоящее время России знакома хлебная торговая политика, преследующая подобные же цели. Но по своему политическому значению, хотя бы с вавилонской и египетской системой государственных магазинов (Magazinsystem) или даже с римской системой аннон магазинная политика (die Magazinpolitik) абсолютных государств и даже России (где она достигла наибольшего развития) может быть сравниваема лишь очень издали.

К тому же здесь и цели, и средства (даже в России) иные. *Своеобразие* античной хлебной политики по сравнению с современной объясняется главным образом совершенно иным характером античного так называемого пролетариата по сравнению с теперешним пролетариатом. То был пролетариат *потребителей* (ein Konsumenten-Proletariat), толпа деклассированных мелких буржуа, а не нынешний рабочий класс, который на своих плечах несет *производство*. Современный пролетариат как класс *не существовал*. Ибо античная культура, отчасти благодаря малой стоимости содержания человека в местах ее расцвета, отчасти по причинам историко-политическим, либо опиралась главным образом на *рабство* — как было в Риме конца республики, — либо по меньшей мере там,

где преобладал в частнопроводном смысле *свободный* труд — как в эпоху эллинизма и в императорскую эпоху, — все-таки в такой мере была проникнута рабским трудом, как этого никогда не бывало в средневековой Европе. Конечно, остраконы и папирусы эпохи Птолемея и Римской империи, так же, как и, например, Талмуд, свидетельствуют о значении *свободного* труда на эллинистическом Востоке и вне пределов требующего выучки ремесла, да и надписи говорят о нем очень ясно. Специфически капиталистическое понятие работодателя (ἐργοδότης) было, по-видимому, развито. Но, что весьма характерно, там, где требуется обеспечение рабочей силой в *большом* количестве и на твердо определенные сроки, например, хотя бы на птолемеяевских монопольных масляных прессах, сейчас же принимаются меры для косвенного или прямого ограничения свободы передвижения. И *рабство* особенно *сильно* выступало на первый план как раз в эпохи и в местах классического расцвета свободных общин. Хотя количество рабов, как и их социальное значение для достаточно больших частей и периодов античного мира (в частности, для эпохи эллинизма, более всего для Египта, но также и для более раннего Востока и Греции) было, несомненно, как теперь установлено (см. ниже), довольно сильно преувеличено, однако это все-таки не слишком сильно меняет принципиальное значение этого различия.

Во всяком случае, после всего этого нельзя уже обойти вопрос, не проявляются ли вообще в экономическом строе Древнего мира черты, исключаящие возможность применения к нему категорий, которыми мы пользуемся при изучении хозяйственной истории Средних веков и тем более Нового времени. Вокруг этого вопроса за последнее десятилетие шли оживленные, отчасти даже страстные, споры.

Исходным пунктом дискуссии послужила теория Родбертуса, по которой античный мир в своей совокупности принадлежал к конструированному им периоду ойкосного¹ хозяйства, т. е. производства для собственных надобностей, которое ведет расширенный с помощью несвободного труда дом; античное разделение труда по существу было только специализацией труда в пределах большого рабовладельческого домашнего хозяйства, обмен был лишь явлением непостоянным и случайным, имеющим целью утилизировать случайные излишки в принципе самодовлеющих крупных домашних хозяйств (автаркия ойкоса). И Карл Бюхер принял эту Родбертусовскую категорию ойкоса как *характерный* для древности тип хозяйственной организации, однако, судя по его аутентичному толкованию этого взгляда — насколько я его понимаю — в смыс-

¹ Ойкос — домашнее хозяйство, в котором производство продукта и его потребление совершалось в замкнутом кругу «дома» (рода, семьи). — Прим. изд.

ле «идеально-типической» конструкции хозяйственного строя, который в древности выступал с особенно сильным *приближением* к чистому понятию домашнего хозяйства со всеми его специфическими последствиями, но без того, однако, чтобы домашнее хозяйство господствовало во *всем* древнем мире, на *всем* его протяжении и во *все* его эпохи, и (это можно прибавить без всяких колебаний) без того, чтобы это «господство» в те эпохи, когда оно существовало, означало что-либо большее, чем, правда, очень сильное и по своим последствиям чрезвычайно действительное *ограничение* явлений обмена в их значении для удовлетворения потребностей и соответственное деклассирование *тех* слоев общества, которые могли бы быть носителями обмена. Правда, было вполне в порядке вещей, что Бюхер, рассматривая древность как *наглядный пример* типа ойкосного хозяйства — таков ведь должен был быть тогда смысл его разъяснений, — поневоле в известной мере подчеркивал как раз подходящие для этой парадигматической цели составные части античной хозяйственной истории, так что у историков явилось представление, будто, по его мнению, всему античному хозяйству можно целиком приписать характер ойкосного хозяйства, а рядом с этим, во всяком случае в городах, характер городского хозяйства (в идеально-типическом смысле этого слова). Эд. Мейер в своих возражениях против понятого так (по разъяснению Бюхера, неверно) бюхеровского взгляда пошел так далеко, что отверг *вообще* применение к древности особых экономических категорий и сделал попытку, по крайней мере в отношении к классическому периоду расцвета Афин, оперировать¹ с совсем современными понятиями, такими как «фабрика» и «фабричные рабочие», и вообще доказывал, что мы представляем себе не «в достаточно современном духе» (*gar nicht modern genug*) условия тогдашней хозяйственной жизни, между прочим и то значение, какое имели тогда торговля и банки. Между тем, чтобы ограничиться этим одним замечанием, до сих пор не доказано существование в древности даже свободной «домашней промышленности» (*Hausindustrie*) в том значении этого понятия, в каком она существовала уже в XIII веке от Р. Х., то есть с договорными формами кустарной системы (*Verlagssystem*), — следовательно, не только как *фактическая* эксплуатация производителя знающим рынок купцом, которая была известна, конечно, и древности. Но уже *совершенно* не имеется до сих пор никакого доказательства существования «фабрик», хотя бы только в чисто техническом смысле, в смысле организации производства (включающем, например, и русские крепостные фабрики, опиравшиеся на барщинный труд,

¹ Замечательно то, что эти предполагаемые античные фабрики можно было таким образом утаить (Афоб) или промотать (Тимерок), что они в *буквальном* смысле слова исчезли с лица земли, не оставив по себе никакого следа! С современной фабрикой во всяком случае этого не могло бы случиться.

а также и государственные мастерские, работающие для собственного потребления). Ни о каких *промышленных* предприятиях, которые бы по своим размерам, по своей долговременности и техническим свойствам (концентрации процесса труда в мастерских с разложением и с соединением труда и с «постоянным капиталом») заслуживали названия фабрики, как о сколько-нибудь распространенном явлении, источники не знают *ничего*. В качестве нормальной формы производства они ни разу не встречаются ни в производстве фараонов, ни в монопольном производстве Птолемеев и позднейшей Римской империи, которые скорее всего *могли бы* их напоминать (см. ниже). Эллинский ἐργαστήριον есть в *сущности* людская (Gesindestube) состоятельного человека — большей частью купца, в частности импортера ценного сырья (например, слоновой кости), — в которой он с помощью любого количества скупленных или взятых в заклад с правом пользоваться их трудом обученных рабов, под надзором надсмотрщика (ζυεμὼν οὗ ἐργαστηρίου) перерабатывал ту часть сырья, которой он *не* продал свободным ремесленникам (Demosth. XXVII 823, 19). Этот ἐργαστήριον можно *делить* на сколько угодно частей (продавая часть рабов), как кусок свинца, потому что он представляет собой не дифференцированное скопление попавших в рабство *рабочих*, а не дифференцированную *организацию труда*. И встречающиеся кое-где в крупных сельскохозяйственных производствах побочные промышленные производства (Nebengewerben) для сбыта, также как и мастерские для переработки сырья при монопольных правительственных организациях (Monopolverwaltungen) на Востоке и во времена Римской империи и, несомненно, тогда, как и в Средние века, принимавшие иногда более значительные размеры текстильные производства (Textil-Betriebe) хозяек княжеских домов, являются лишь *придатками* плантаций податного управления или ойкоса, но не фабриками.

Если бы действительно где-нибудь можно было доказать наличие зачатков чего-нибудь, в техническом смысле похожего на фабрику — что, разумеется, вполне *возможно* в древности так же, как это было возможно в крепостное время в России, — то, конечно, эти исключения по тем же причинам, как и эти русские «фабрики» (см. ниже), лишь подтверждали бы правило. Ибо, во всяком случае, это не было постоянным явлением *частной* хозяйственной жизни.

Далее, можно доказать или, по крайней мере, допустить существование в древности в практике государственных откупщиков очень немногих политических центров (главным образом Рима, затем Афин и некоторых других) банковых предприятий, которые по своему объему и характеру превосходят также только меру того, что существовало в этом роде в XIII столетии в Средние века, но превосходят *количественно*, а не *качественно*. Деловые *формы торговли* — морская ссуда, комменда (характерные для *прерывности* (Dis-

kontinuität) раннекапиталистической торговли), дела по банковым уплатам и банковым переводам — по своей юридической форме характерны ведь для раннего Средневековья; известный уже в эпоху раннего Средневековья вексель существует только в своих начальных стадиях; размер процента по высоте, сроку уплаты и законодательной регламентации также обыкновенно носить раннесредневековой характер. Отсутствие всяких, уже в Средние века известных форм государственного кредита, которые могли бы превратить его в регулярный источник ренты с капитала, характерные его суррогаты, затем колоссальные сокровищницы (Horte) восточных, еще и персидских царей, равно как и сокровища греческих храмов с тем значением, которое они имели, и с тем употреблением, которое из них делалось, — все это показывает, как мало наличные запасы благородного металла находили применение в качестве *капитала*.

Нет ничего опаснее, как представлять себе отношения античного мира на современный лад: кто делает это, тот недооценивает, как это довольно часто бывает, той дифференциации форм, какую произвели — хотя и на *свой собственный* лад — у нас уже Средние века в области капиталистического права (Kapitalsrecht), и какая *тем не менее* не уменьшает расстояния, отделяющего средневековый хозяйственный строй от нашего. Государственным и наполовину государственным денежным операциям хотя бы птолемеевского банка с его колоссальной денежной наличностью или даже римских публиканов можно найти поразительную параллель в соответствующих явлениях в *средневековых* городах-государствах (например, в Генуе); однако уже в XIII веке эти последние превзошли их в технике хозяйственного оборота. И далее, необходимо также всегда усиленно настаивать, что ойкос, как его понимает Родбертус, действительно играл в хозяйстве древнего мира в высшей степени важную роль. Но только он, с одной стороны — это я в свое время старался доказать, — для лежащей в свете истории эллинско-римской древности является продуктом лишь позднейшего развития (императорской эпохи) и составляет переходную ступень к феодальному хозяйству и феодальному обществу раннего средневековья. С другой стороны, он (на Востоке и отчасти также в Элладе) стоит *на пороге* доступной нам истории, как ойкос, правда, царей, князей и жрецов, отчасти наряду с мелким домашним хозяйством подданных, отчасти — там, где существует барщина этих последних, — главенствуя над ним. Но и тут он, конечно, *отнюдь* не был чем-то, в родбертусовском смысле, выросшим непосредственно из расширенного собственного хозяйства древних домовых общин. Отчасти ему присущ государственно-социалистический характер, как это было, может быть, преимущественно в Египте в результате общественно-хозяйственного (gemeinwirtschaftlichen) регулирования воды; отчасти (на Востоке и в Древней Элладе) он обязан своим возникновением

тем *торговым* барышам, какие получал древнейший представитель правильных меновых сношений, главарь и князь, путем обмена подарками, от фактической монополии в посреднической торговле, наконец, от самостоятельной торговли (и неразрывно связанного с ней морского разбоя), и какие, в виде его сокровища, служат опорой его господствующего положения и источником расширения его хозяйства. Тем не менее удовлетворение потребностей в этом раннеантичном ойкосном хозяйстве князей и политически господствующего сословия повсюду совершалось, *главным образом*, натурально-хозяйственным способом. Принудительные поборы, барщины, захват рабов путем разбоя давали князьям средства для выменивания чужих товаров, а благородные металлы княжеской казны (даже и персидского царя) служили не для регулярно совершаемого покрытия потребностей денежно-хозяйственным способом, а для награждения тех или иных лиц или для возникавших при случае политических надобностей. Но точно так же натуральное хозяйство получало все большее и большее господство и в феодальных поместьях (Grundherrschaften), и в организованном в форме ойкосного хозяйства (oikewirtschaftlich) государственном хозяйстве *позднеантичной* эпохи (начиная с III столетия). Напротив, в *классические* периоды древности, когда мы видим крупные состояния, заключающиеся в рабах, это было не в такой мере, как полагал Родбертус, и никогда в такой степени, как и я с своей стороны был прежде склонен допускать; по-моему, в этом пункте правым надо признать Эд. Мейера и некоторых из его учеников (Gummerus'a).

Точно так же следует, по-моему, признать, что само по себе вполне законное стремление выяснить специфические особенности хозяйства древности, к которым, несомненно, принадлежит *также* и рабский труд, неоднократно (как, например, было и со мной) приводило к слишком низкой оценке количественного значения свободного труда, как это показали работы Вилькена для Египта, занимающего, впрочем, как раз в этом несколько эксцентрическое положение. Древность знает наряду с несвободным и полусвободным земледельцем также и свободного земледельца — в виде собственника, арендатора, снимающего землю за деньги, арендатора из части продукта; она знает наряду с домашним производством (Hausfleiss) и несвободным ремесленным трудом также и свободного ремесленника — в виде ремесленника, работающего для продажи на рынке, Preiswerker, в виде ремесленника, работающего на заказ, Lohnwerker, (последнее *гораздо* чаще) и (тоже очень часто) в качестве занимающегося ремеслом лишь как побочным занятием (Nebenproduzenten) — знает ремесленное производство как семейное или как одиночное производство (широко преобладающее) или как производство, которое вел мастер с одним или несколькими рабами и свободными или (в большинстве случаев) несвободными учени-

ками. Древность знает, далее, совместную работу артелями мелких ремесленников (σύνεργοι). Она знает совместный наем обученных рабочих подрядчиком (ἐργολαβών) для определенной конкретной цели (почти исключительно государственные рабочие). Но в древности совсем не существует, например, *слова* для нашего понятия подмастерья (Geselle), которое ведь возникло благодаря борьбе против мастера — опять понятие, чуждое древности. Ведь, несмотря на довольно богатое развитие союзов, древность вообще *не* знает ремесла на такой ступени автономной организации и с таким искусным расчленением и с такой организацией труда (институт подмастерьев), какими уже владели на высшей точке своего развития Средние века. Цеховая или цехообразная организация там, где она существует в древности, почти всегда представляет собой по существу скорее принудительную государственную организацию литургий. Социальное положение ремесленника, за исключением мимолетных и лишь частичных (и то больше кажущихся) перерывов во времена эллинской демократии, было угнетенное, и *нигде*, очевидно, у занимавшихся промышленностью не хватало силы добиться *правовой* концентрации промышленности в городах, как было в Средние века (о причинах см. ниже в главе об Афинах). Наконец, древность знает свободного необученного наемного рабочего, который постепенно возник из проданного на время (дитя, должник) или себя самого на время продавшего в рабство. Она знает его как работающего во время жатвы и большими массами на общественных земляных и строительных работах или иных государственных предприятиях, в иных же случаях, в общем, как явление случайное, большей частью разрозненное и непрочное.

Теперь спрашивается: знает ли древность в достаточной, в культурно-историческом смысле, мере *капиталистическое* хозяйство?

Прежде всего, в общем, первоначальную основу пищевой площади античного города (восточного, как и средиземноморского по лиса древнейшего периода) в такой высокой мере составляло получение *рент* жившими в городе князьями и знатными родами с их земельного владения, а также взносов, поступавших в определенных случаях с их подданных, как это теперь можно встретить только в специфических городах-резиденциях, или — чтобы взять более подходящий пример — как это было в Москве в эпоху крепостного права в России. Значение этих источников дохода и, в связи с этим, особенно тесная зависимость экономического расцвета городов от *политических* условий, которая обнаруживается в его резких перипетиях, очень сильно давали себя знать и на протяжении всей древней истории. Античные города были *всегда* в *гораздо* более высокой мере, чем средневековые, *потребительными* центрами и, напротив, в *гораздо* меньшей мере *производительными*. Ход развития античных городов, несмотря на многочисленные, отчетливо

выраженные в них явления городского хозяйства (см. ниже), нигде не приводил к городскому хозяйству (Stadtwirtschaft), так сильно приближающемуся к идеальному типу, данному в этом понятии, как это было во многих городах Средних веков, — вследствие того, что античная культура была по своему основному характеру культурой *прибрежной*. И вот, если мы видим в древности 1) возникновение городских промыслов с целью экспорта некоторых изделий, требующих высокоинтенсивной и высокой по качеству работы, 2) постоянную зависимость от подвоза хлеба издалека, 3) торговлю рабами, 4) сильное преобладание специфически торговых интересов в политике, то спрашивается: являются ли эти резкими толчками приливающие и отливающие хрематистические¹ эпохи эпохами с капиталистической структурой?

Это зависит от определения понятия «капиталистический», которое, само собой разумеется, может быть весьма различно. Одно остается во всяком случае неоспоримо — это то, что под капиталом всегда следует разуметь *частнохозяйственный* приобретательский капитал (Erwerbskapital), если вообще терминология должна иметь какую-нибудь ценность для целей классификации: следовательно, блага, которые служат цели приобретения прибыли в процессе *обращения* благ. Таким образом, во всяком случае необходимым условием является, чтобы производство имело своим базисом меновое хозяйство (verkehrswirtschaftliche Basis). Следовательно, с одной стороны, *продукты* (по крайней мере отчасти) должны становиться предметами оборота. Но и, с другой стороны, *средства производства* должны были быть предметами оборота. Под понятие «капиталистический» не подходит, следовательно, в области *аграрной* всякая вотчинная (grundherrliche) эксплуатация сеньором людей, подвластных ему по *личному* праву, просто как источника рент, податей и пошлин, как было в начале Средних веков, когда крестьян эксплуатировали, собирая с них платежи за владение землей, пошлины с наследства, с оборота и личные платежи как натурой, так и деньгами: ведь здесь ни находящаяся во владении земля, ни находящиеся под властью люди не составляют капитала, потому что власть над тем и другим (в принципе) опирается не на приобретение в процессе свободного оборота, а на *традиционную* связанность большей частью *обеих* сторон друг с другом.

И древности известна эта форма вотчинного землевладения (Grundherrschaft). С другой стороны, древности известна входящая в сферу *менового* хозяйства сдача земельного владения в *аренду* мелкими участками; но тут земельное владение является источником *ренты* (Rentenfonds), и капиталистическое *производство*

¹ *Хрематистика* (др.-греч. «обогащение») — по Аристотелю, наука об обогащении, о накоплении как самоцели, поклонении прибыли. — *Прим. изд.*

опять *отсутствует*. Эксплуатация подвластных людей в качестве *рабочей силы* в собственном *производстве господина* встречается в древности и как поместное производство (Fronhofsbetrieb) с помощью колонов (царство фараонов, домены императорской эпохи), и как крупное производство с помощью труда покупных рабов, и в виде комбинации того и другого. Первый случай, поместный строй (Fronhof), представляет трудности в смысле классификации, потому что здесь возможны разнообразнейшие переходные ступени от формально свободного земельного оборота и свободной аренды колонов (следовательно, на основе менового хозяйства) до полной традиционной социальной связанности повинных работе колонов в отношении к господину и господина в отношении к ним. Последнее непременно является правилом там, где только существует производство с помощью колонов. Сами колоны *лично* не представляют собой капитала; они стоят вне сферы *самостоятельного* свободного оборота, но их службы *вместе* с землей могут быть предметом оборота и действительно бывают им (Восток и времена позднейшей Римской империи). Производство есть в таких случаях нечто среднее: оно капиталистическое, поскольку продукты производятся для рынка и *земля* является предметом оборота, и *не* капиталистическое, поскольку рабочая сила как средство производства изъята из сферы купли или найма в процессе *свободного* оборота. Но как общее правило существование вотчинного производства (Fronhofsbetrieb) есть переходное явление или от ойкаса к капитализму, или, наоборот, к натуральному хозяйству. Это ведь всегда есть симптом относительной *слабости* капитала, в частности, слабости производственного капитала, которая находит свое выражение в перекладывании потребности в средствах производства на зависимые хозяйства и в *устранении необходимости* иметь: 1) капитал на покупку инвентаря, 2) капитал или на покупку рабов, или на заработную плату при помощи эксплуатации подневольного труда и (обыкновенно) объясняется (сравнительно) малоразвитой интенсивностью хозяйственного оборота.

Производство при помощи *купленных* рабов (т. е. производство в *условиях*, в которых рабы являются нормальным предметом оборота, безотносительно к тому, были ли они действительно (in concreto) приобретены путем купли) на собственной или арендованной земле есть с экономической точки зрения, конечно, капиталистическое производство: земля и рабы составляют предмет свободного оборота и, конечно, представляют собой капитал; рабочая сила, в отличие от того, как это делается в производстве с помощью свободного труда, покупается, а не нанимается, а *если* (в виде исключения) нанимается, то не у ее носителя (рабочего), а у его господина. *Потребность* в капитале для одинакового количества рабочей силы, ceteris paribus, здесь, следовательно, значительно больше, чем при

применении свободного труда, — так же, как *покупатель* земли, *se-teris paribus*, должен затратить больше капитала, чем *арендатор* ее.

Наконец, капиталистическое крупное производство со свободным трудом, которое при одинаковой степени накопления капитала делает возможным гораздо бóльшую затрату капитала на *вещественные* средства производства, древности *не* известно в качестве *нормального* и постоянного явления в области частного хозяйства, ни в сельском хозяйстве, ни вне его. Конечно, производство помещичьего типа (*squire-Betrieb*) встречается на Востоке и в Элладе, но как раз в те эпохи и в тех областях, в которых господствуют *традиционные* порядки (эллинические внутренние области, Талмуд, некоторые эллинистические области), а не в областях с *прогрессирующим* экономическим развитием. *Прочные крупные производства* со связанным исключительно *лишь* контрактом, следовательно, формально свободным трудом, если не считать государственных предприятий, о которых речь впереди, насколько известно, не встречаются, во всяком случае в *значительной*, в практическом, экономическом и социальном смысле, мере, в классических местах античной культуры; иначе было (отчасти) на позднем Востоке.

В настоящее время привыкли понятие капиталистического производства ориентировать как раз на этой форме производства, потому что именно она порождает своеобразные *социальные* проблемы *современного* капитализма. И поэтому, стоя на этой точке зрения, хотели отвергнуть существование в Древнем мире и господствующее значение капиталистического хозяйства.

Между тем, если понятие капиталистического хозяйства не ограничивать совершенно немотивированно определенным способом *эксплуатации* капитала — именно эксплуатацией чужого труда путем договора со свободным рабочим, — не вносить, следовательно, социальных признаков, но вкладывать в это понятие чисто экономическое содержание и признавать наличность капиталистического хозяйства везде там, где объекты владения, составляющие предмет *оборота*, эксплуатируются частными лицами с целью приобретения *прибыли* способами, присущими меновому хозяйству, — тогда нет ничего бесспорнее далеко идущего капиталистического отпечатка, лежащего на целых — и как раз на величайших — эпохах античной истории. Но только и тут надо остерегаться преувеличений — об этом после; а затем составные части капитала, точно так же, как и способ его эксплуатации, обнаруживают характерные особенности, имеющие определяющее значение для всего хода античной хозяйственной истории. Среди *составных частей* капитала, разумеется, отсутствуют все те средства производства, которые созданы техническим развитием последних двух столетий и составляют нынешний постоянный капитал; с другой стороны, к ним надо прибавить одну важную составную часть, которая отсутствует теперь:

рабов, попавших в рабство за долги, и рабов купленных. Среди способов *эксплуатации* капитала отступает на задний план помещение капитала в промышленность и, в частности, в крупные производства в области промышленности; напротив, прямо доминирующее значение имеет в древности один способ эксплуатации капитала, который в настоящее время по своему значению совершенно отступил на задний план: государственный откуп.

Способы помещения капитала во времена классической древности были следующие: 1) взятие на откуп или участие в откупе государственных налогов и общественных работ, 2) разработка рудников, 3) морская торговля (с помощью собственных судов или в форме участия в торговле, в частности путем морской ссуды), 4) плантационное производство, 5) банковские и им подобные дела, 6) отдача денег взаймы под заклад земли, 7) торговля с границей (в форме непрерывающегося крупного предприятия лишь спорадически — на Западе лишь в первые два века императорской эпохи с севером и северо-востоком — большей частью в виде помещения комменды в караванную торговлю), 8) отдача в наем (иногда обученных) рабов или устройство их как самостоятельных ремесленников или торговцев за оброк, как бы сказали русские, наконец, 9) капиталистическая эксплуатация обученных *ремеслу* рабов, принадлежащих в полную собственность или же взятых в залог, производившаяся в мастерских или без них (примеры ниже, в главе об Афинах). Частое применение рабского труда в собственном *частном промышленном* производстве не подлежит сомнению. Встречаются ремесленники, работающие сами вместе с несколькими рабами. *Капиталистическая* эксплуатация рабского труда встречается в форме упомянутого выше *ἐργαστήριον*, о котором еще будет речь. Существовавшая, несомненно, на Востоке и господствовавшая в Египте эксплуатация собственных рабов в форме несвободной домашней индустрии (предоставление господином рабу сырого материала и рабочего инвентаря, доставка рабом продуктов, изготовленных им у себя *на дому*), существовала, конечно, и в классическую эпоху, хотя существование ее и не может быть доказано с полной достоверностью. Если же на многих (тахи́тис пока около 80) вывезенных за пределы их родины аттических вазах стоит одно и то же имя, то это, конечно, имя художника, а не «фабриканта» или скупщика (*Verleger*), которое затем усваивает себе иногда в качестве эпонима семья гончаров, в которой техническое умение переходило как секрет от отца к сыну. Существование целых *деревень* ремесленников (*δῆμοι*) в Аттике очень характерно для семейного ремесленного производства (см. ниже) как здесь, так и в других местах.

Как количественное, так и качественное значение капиталистического приобретательского хозяйства (*Erwerbswirtschaft*) в древно-

сти определялось всегда целым рядом отдельных моментов, которые выступали в очень различных комбинациях друг с другом.

1. Значение *запасов благородного металла для темпа* капиталистического развития, несомненно, должно очень высоко оцениваться. Но в настоящее время нередко замечается склонность переоценивать их значение для самой *структуры* хозяйства. Хозяйство Вавилона, несмотря на отсутствие рудников и, очевидно, очень небольшой запас металла — о чем свидетельствует как ограничение функций драгоценного металла одним лишь измерением ценности предметов, так и корреспонденция вавилонских царей с фараонами, — уже в древнейшую эпоху сделало такие же успехи в своем развитии в направлении к меновому хозяйству, как и хозяйство любой из стран Востока, и большие, чем хозяйство богатого золотом Египта; с другой стороны — даже если новейшие исчисления только приблизительно правильны, — колоссальные запасы драгоценного металла, которыми владел птолемеевский Египет, несмотря на возникновение здесь вполне развитого денежного хозяйства, не помогли капитализму как принципу *структуры* хозяйства подняться на особенно заметную высоту, в частности, достигнуть той ступени развития, какой он достиг одновременно в Риме; наконец, тот удивительный взгляд, по которому вторжение натурального хозяйства в позднейшую римскую эпоху было следствием начавшегося истощения рудников, по-видимому, понимает соотношение вещей совершенно наоборот: где тогда вообще началось истощение рудников, оно со своей стороны могло быть *следствием* того, что прочно утвердившееся в горном деле в классическую эпоху капиталистическое производство с рабским трудом по совершенно другим причинам уступило место хозяйству *мелких* арендаторов. Этим вовсе не отвергается громадная культурно-историческая роль, какую сыграло обладание большими запасами благородного металла и в особенности их внезапное появление на божий свет: древняя вотчинная царская власть, *Fronkönigtum* (см. ниже), опирается на сокровищницу царя; без рудников Лауриона не было аттического флота (?); превращение сокровищ эллинских храмов в средство обращения могло *способствовать* (?) изменению цен в V—IV веках, а такое же превращение сокровищ персидского царя облегчило развитие эллинистических городов; влияние же явившегося результатом войн колоссального ввоза благородного металла в Рим во II веке до Р. Х. всем известно. Но условия, благодаря которым из этих запасов благородного металла было сделано именно *такое*, а не иное употребление (например, они могли быть спрятаны в сокровищницы, как делали на Востоке), конечно, должны были быть *заранее* налицо: «творческой» силы в смысле создания качественно *новых* по своей структуре хозяйственных форм большие запасы благородных металлов, как таковые, не обнаружили и в древности.

2. *Экономическое своеобразие* капиталистической эксплуатации находящихся в собственном владении рабов (Sklavenbesitzes), в отличие от системы свободного труда, заключается прежде всего в громадном *повышении* (Steigerung) количества капитала, затрачиваемого на содержание живой рабочей силы и вкладываемого в покупку ее; когда в случае застоя в деле раб оказывается незанятым, капитал этот не только не приносит процентов, — как и машина, — но и «съедает», кроме того (в буквальном смысле слова), непрерывно присоединяемые к нему прибавки. Из этого одного уже следует замедление 1) оборота капитала и 2) процесса образования капитала вообще.

Затем, оно заключается в связанном с этим большим *риске*, который несет как раз эта форма капитала. Риск этот заключается не только в том, что очень высокая при капиталистической эксплуатации и притом совершенно не поддающаяся учету смертность рабов экономически является для их *владельца* потерей капитала, а также не только в том, что всякая политическая передеряга могла совершенно уничтожить капитал, вложенный в рабов, но, кроме этого и прежде всего, в колоссальных колебаниях *цен* на рабов (Лукулл продавал рабов, доставшихся ему в добычу, по 4 драхмы, тогда как в мирное время, при умеренном снабжении рынка рабами, платили сотни драхм, чтобы получить пригодного рабочего), которые влекла за собой постоянная опасность полного обесценения вложенного капитала. Тот базис верного *расчета* издержек (Kostenkalkuls), который составляет необходимую предпосылку дифференцированного крупного производства (Grossbetriebe), был невозможен. Сюда присоединялся еще один момент; патриархальное рабство, которое преобладало на Востоке, или давало рабу положение члена семьи своего господина, или предоставляло ему возможность иметь свою собственную семью. В этом последнем случае заранее отказывались от извлечения из хозяйства возможного maximum'a прибыли. Раб или платил тогда оброки — тогда он являлся источником ренты (Rentenfondes), а не рабочей силой, — или там, где он — в некоторых случаях вместе с своей семьей — служил в качестве рабочей силы, он был барщинником (Fronarbeiter) или несвободным домашним работником (Heimarbeiter) с присущей такому положению ограниченной доходностью для его господина.

Настоящая же капиталистическая эксплуатация раба как простого орудия производства находила себе границу в своей зависимости от правильной поставки рабов на рынок, т. е. от успешности войн. Ибо полная капиталистическая эксплуатация его рабочей силы была возможна при не только юридической, но и фактической *бессемейности* раба, т. е. при системе казарм, которая, однако, делала невозможным пополнение класса рабов из собственной среды. Иначе стоимость и содержание женщин и воспитание детей ложилось бы

мертвым балластом на основной капитал. Относительно женщин этого, пожалуй, иногда можно было избежать, найдя их силам применение в текстильной промышленности, хотя при своеобразии античного удовлетворения потребностей и при том значении, какое имело домашнее прядение и тканье, это далеко не всегда было возможно. Относительно детей одно место у Аппиана (гл. I, 7) может быть понято в том смысле, что, по крайней мере, в известные периоды римской древности выращивание рабов для целей спекуляции носило *массовый* характер, существовало, следовательно, как в южных штатах Северной Америки, разделение труда между производством и эксплуатацией, по крайней мере, для одной части заключающегося в рабах капитала. Но такое понимание текста Аппиана все-таки остается несколько спорным. Резкие колебания цен на рынке рабов делали выгоды выращивания их для продажи слишком неверными. Затем, в главных областях расточения рабского труда — в возделывании плантаций, мореплавании, в горном деле, сборе податей — женский труд не был пригоден. В хозяйстве с *коммерческими целями* (*Erwevbswirtschaft*) даже было правилом пользоваться главным образом только трудом рабов-мужчин (этих, сколько известно, единственных рабочих в поместьях времен Катона, равно как единственных рабочих аттического ἐργαστήριον'a), если только это было возможно, т. е. пока хронические войны обеспечивали правильную поставку рабов на рынок. Рабыни занимались проституцией или домашней работой.

Если правильная поставка рабов прекращалась надолго, то дальнейший прирост их мог быть обеспечен лишь путем разрушения рабских казарм и восстановления семейной жизни раба, т. е. перенесением интереса к воспроизведению заключающегося в рабах капитала на самого раба, что означало отказ от безграничной эксплуатации его рабочей силы. Но такой отказ при системе закованных в кандалы и работающих под ударами кнута плантационных рабов везде должен был означать чистый убыток там, где одновременно с этим не была найдена форма, которая бы делала *собственный* экономический интерес раба полезным для господина. Ибо наряду с непрочностью капитала, заключающегося в рабах, и со связанным с ним не поддающимся учету риском, в случае прямой эксплуатации раба как рабочей силы в крупном производстве, отсутствие у раба собственного интереса к делу, конечно, прежде всего противодействовало всякому техническому прогрессу и всякому поднятию интенсивности и качества работы. Имеющие решающее значение для работы этические качества рабов при эксплуатации рабов в крупном производстве бывают наихудшие, какие только можно себе представить.

Растрата капитала, вложенного в рабов, сопровождалась растратой капитала, вложенного в рабочий скот и в орудия производства,

и застоём в технике орудий производства (например, плугов). Относительно первого пункта прямо раздаются жалобы: применение рабского труда к производству хлебных злаков, поставленному на широкую ногу, оказывается по этой причине невозможным, так как античная земледельческая техника требовала интенсивного труда; да и вообще рабов можно было употреблять в крупном производстве с действительной выгодой только на хорошей почве и при низких рыночных ценах на рабов, и их применение обыкновенно означало переход к экстенсивному хозяйству. И — что было еще важнее — эта особенность рабского труда в *промышленной* области не только служила препятствием к введению усовершенствованных *орудий* производства, но вообще к тому комбинированию тесно между собой соприкасающихся и строго разграниченных рабочих сил, которое как раз и составляет *сущность* специфически современных форм производства, для которых характерна ведь не одна *численность* рабочих.

Применение промышленного труда *обученных* покупных рабов в крупном производстве на основе *разделения труда*, несомненно, было по тем же причинам невозможно в древности, равно как и во все времена, как явление *нормальное*; в отдельных же случаях — но всегда в небольших размерах — оно и тогда встречается (см. ниже). Даже *ἐργαστήριον*, представляющий собой в сущности случайное соединение отдельных рабочих, встречается главным образом в местах, занимающих особенно благоприятное в экономическом смысле положение, как Афины, Родос, Александрия и т. д., но и там всегда лишь как придаток к торговому делу или к дающему ренту имуществу. Если на рынке нередко появляются излишки ремесленных изделий барщинного происхождения или несвободной домашней работы или продуктов крупных домашних хозяйств княжеских или полукняжеских ойкосов, то, разумеется, надо весьма остерегаться видеть в этом доказательство существования «фабрик» с *покупными* рабами. Даже такие явления полукапиталистического характера, как применение уже совсем крупными рабовладельцами или монархами принудительного труда для создания побочных производств (*Nebenbetrieben*) промышленного характера, типом которых в новое время являются многие русские фабрики XVIII и первой трети XIX века, могут существовать, только опираясь на *фактическую* монополию и при наличности определенных условий. Эти условия — *дешевая пища*, *монопольные цены* на продукты, но, *кроме того* еще, *дешевые цены на рабов* и, следовательно, очень высокая степень эксплуатации, покрывающая риск вымирания (даже по Демосфену и Эсхину от 30 % до 100 %) — должны были быть налицо для того, чтобы было возможно длительное применение покупных рабов-ремесленников в *ἐργαστήριον*'е господина. Но и тогда эти производства были ограничены самое большее несколькими дюжина-

ми рабочих. *Не существовало постоянного капитала*, без которого не может существовать никакая фабрика. В наем отдавали рабов, а не мастерскую. Сами рабы и *есть* мастерская; содержание рабов господином, а *не* применение их в концентрированном производстве имеет решающее значение. Мастерская, в свою очередь, была частью ойкаса, и все те чреватые последствиями изменения в праве, которые еще в XIII—XIV веках — за много столетий до возникновения наших фабрик — сопровождали отделение мастерской от домашнего хозяйства семьи, вложенного в дело капитала от частного имущества, остались совершенно неизвестны древности (поэтому — за немногими характерными исключениями, именно в области *государственного* откупа — не существует и всех тех форм предприятий (Unternehmensformen), которые обеспечивают долговечность производства (das Perennieren des Betriebes) среди превратностей судьбы отдельных состояний, как акционерная компания и т. п.). Массовое применение рабского труда в крупном производстве в рудниках, в каменоломнях и в общественных работах представляет собой почти исключительно эксплуатацию труда необученных рабочих.

Несвободная работа на дому (die unfreie Heimarbeit) как один из видов барщины (des Robottsystems) имеет экономически слабые стороны последней, и еще вопрос, в какой мере она служила целям производства для рынка. Фараоны и храмы пользовались такого рода работой главным образом для надобностей храма, дворца и государства, в особенности, конечно, в тех случаях, когда сырой материал был вывезен фараоном (или храмом) из-за границы или добыт им из недр земли; рядом с этим могла производиться продажа продукта на рынке. Во всяком случае, и эта работа там, где она встречается, представляет собою работу в собственном *мелком* (семейном) производстве раба.

Квалифицированный рабский труд в *крупном* производстве как явление длительное и нормальное (и за пределами немногих крупных торговых центров) можно встретить только на местах руководителей — старшего рабочего или инспектора на руднике или на плантации, в конторе, в частности, ведущего кассу и заведующего счетоводством (ввиду возможности подвергать их пытке) и т. д. Но этой аристократии среди рабов, обыкновенно в интересах самих же господ, разрешалось иметь подобие собственной семьи (contubernium) и подобие собственного имущества (peculium); иной раз даже соглашались уважать их завещания (как у Плиния) и, сверх того, почти всегда предоставляли им возможность выкупа на волю. Тем самым *этот* род эксплуатации рабов является уже переходной ступенью к эксплуатации обученного раба, т. е. или обучившегося уже до своего обращения в рабство (благодаря войне или банкротству), или отданного в ученье господином на свой собственный счет, только как источника *ренты* (als Rentenfonds).

Такая эксплуатация могла производиться посредством отдачи раба в наймы в качестве работающего на заказ (*Lohnwerker*), что носило массовый характер, причем нередко риск, связанный со смертью раба, переносился на нанимателя. Но еще выгоднее было, потому что тут затрагивался *собственный* интерес раба, снабжение раба известной суммой денег (*rescilium*), с которой он мог бы заняться ремеслом или мелкой торговлей на свой страх. Господин получал свою *алофорá*, которую он мог увеличивать, поскольку это было возможно сделать, не ослабив собственного интереса раба; кроме того, он мог амортизировать стоимость вложенного в раба капитала через посредство его самого, предоставив рабу возможность сбережения от своего заработка употребить на выкуп себя из неволи, но и при выкупе раба сохраняя за собой право получать с своего бывшего раба определенные платежи и службы и — для чего особенно римское право предоставляло в его распоряжение самые разнообразные правовые формы — присваивая себе из *наследства* вольноотпущенника установленную законом, или контрактом, или завещанием долю (в некоторых случаях и все наследство целиком). Риск потери капитала из-за смерти раба сильно уменьшался, когда раб устраивался самостоятельно, обзаводился *семьей* и обучал детей своему ремеслу. Ручательство господина за коммерческие дела раба, рабское право, обычно ограничивало лишь размером его *rescilium*'а, хотя, конечно, формально он имел право наложить руку целиком и на все предприятие своего раба. Однако слишком часто пользоваться этим правом, по крайней мере, *крупному* рабовладельцу в древности — как и в России перед освобождением крестьян — мешала необходимость поддерживать *собственный* интерес раба, а также — достигшее в России в свое время такого совершенства — искусство рабов утаивать свое имущество. Очень многочисленные во все периоды древней истории и вызывавшие нередко законодательное вмешательство случаи отпуска рабов на волю, которые, конечно, не могут же объясняться одним тщеславием господ и потребностью их приумножить свою клиентуру для политических целей, показывают, как хорошо действовал *собственный* интерес раба. Но этот несравненно более верный способ извлечения выгоды из владения рабами явным образом уже представлял собой замену капиталистической эксплуатации раба в качестве орудия производства для получения *прибыли* получением с него *ренды* и выкупных денег.

Борьба между свободным и несвободным трудом происходила тогда, главным образом, в области мелкого промышленного производства и мелкой торговли; но это не была борьба между *крупным* производством на основе рабского труда и свободным мелким ремеслом. Тот громадный экономический и политический риск, который ложился бы бременем на всякое состоящее из рабов имущество

при непосредственной эксплуатации их как средства производства, тогда отпадал. Такое положение вещей было широко распространено в древности. Наряду с совершенно лишенными владения свободными крестьянами, мелкими арендаторами, мелкими торговцами и ремесленниками, работающими на заказ (*Lohnwerker*), стоял 1) слой *свободных* мелких собственников, занимавшихся торговлей, мелким ремесленным производством для рынка (*Preiswerker*), которые могли иметь при себе в поле или в мастерской одного или нескольких рабов, может быть, взятых на войне в качестве добычи или купленных на свои сбережения, в качестве подручных (*Gesellen*), а затем 2) слой *несвободных* обученных ремесленников и мелких торговцев, крепостных крестьян или несвободных мелких арендаторов. Только в качестве взимающего подати господина (*Tributherr*) стоял тогда над самостоятельно хозяйничающим несвободным его крепостной барин (*Leibherr*), подобно тому, как над крестьянином и свободным мелким торговцем или ремесленником стоял иногда его кредитор, а над свободным колоном — тот, у кого он снял землю. Этот способ эксплуатации раба в качестве источника ренты (*als Rentenfonds*) для того, чтобы приносить господину прибыль, должен был, само собой разумеется, предполагать широкое местное денежно-хозяйственное разделение труда; но раз оно было налицо, он должен был, по вышеуказанным причинам, иметь тенденцию не только занять прочное положение наряду с эксплуатацией раба в качестве средства производства, но, естественно, и распространяться, в особенности там, где господин (как, например, полноправные граждане в противоположность метэкам¹, должностная знать в противоположность рыцарскому (всадническому) сословию) много времени отдавал политической деятельности и потому не мог сам заниматься хозяйством, в особенности если к тому же цена на рабов держалась высокая.

Что касается конкуренции свободного и несвободного труда, то при густоте населения, высоких ценах на землю и неизбежно возникающей при этих условиях интенсивной культуре, при свободном обороте, при отсутствии крепостных отношений эксплуатация *деревенского* земельного владения в форме сдачи земли в аренду мелкими участками являлась в древности, как и в настоящее время, несомненно, самой выгодной в экономическом отношении. Ведь вообще мелкое производство в сельском хозяйстве древности является правилом, и только в плантационных культурах — к которым в древности принадлежали виноделие и культура оливкового масла — крупное производство с применением рабского труда было обычным явлением. Хлебопашество, да еще при состоянии

¹ *Метэки* (др.-греч. «переселенцы») — неполноправные жители Аттики из числа иностранцев или отпущенных на волю рабов. — *Прим. изд.*

древней техники, требовало слишком большого интереса со стороны рабочего, чтобы оно в качестве нормального явления могло быть доступно производству с рабским трудом. Только дешевизна рабов вместе с высокими ценами на производимые плантациями продукты являлась в *сельском хозяйстве* условием, благоприятным для *крупного* производства с применением рабского труда. В промышленности и в мелкой торговле премия на собственный интерес раба в виде возможности выкупа могла, пожалуй, оказывать свое действие и усиливать его конкуренцию везде, где вообще была возможность делать сбережения. Не было случайностью, что вольноотпущенники, которые, будучи еще рабами, научились работать и делать сбережения, достигали экономического преуспевания; отчасти, конечно, это могло быть также просто последствием закрытия для них доступа к политической деятельности. Если надписи императорской эпохи делают вероятным, что рабский труд 1) и в промышленности был представлен на Востоке слабее, чем на Западе, 2) что рабы чаще употреблялись на более грубые работы, то *первое* является отчасти следствием выясняемых ниже исторически сложившихся особенностей восточной культуры, отчасти же это показывает, какое важное значение имело обусловленное политическими причинами более богатое снабжение рабами *римского* рынка; *второе* же объясняется тем, что господа, естественно, не очень часто брали на себя риск и расходы, связанные с продолжительным обучением рабов. Поэтому нельзя считать прямое *вытеснение* свободного труда исключительно или даже хотя бы преимущественно последствием конкуренции рабского труда.

Впрочем, наряду с усиленной конкуренцией иноземных купленных рабов, и без того не чуждым древности социальным дискредитированием труда (см. ниже), действовала и такая тенденция к вытеснению свободного труда повсюду *там*, где только (как позднее на Востоке) бремя военной службы не было возложено на плечи профессиональных воинов, наемных солдат или господствующих в стране чужеземцев; непрерывные тяжелые войны с переменчивым успехом, удерживавшие свободное население из году в год в походах и разорявшие его экономически, должны были, как сообщает Аппиан, благоприятствовать развитию рабского труда в его целом в ущерб свободному труду и *всех* форм рабской эксплуатации. Военное же расширение территории государства и большие победы обыкновенно способствовали расширению рабовладения, удешевлению рабов и вместе с тем усиливали побуждение к *капиталистической* эксплуатации рабов в собственном производстве (плантации, мореходство, горное дело, *ἐργαστήριον* и т. д.). Для капиталистической эксплуатации рабов, в частности в *сельском хозяйстве*, решающее значение должна была иметь далее прежде всего наличность дешевой и притом плодородной земли, что временно

бывало в результате военных или революционных конфискации, а *хронически* там и до тех пор, где и пока редкое заселение больших пространств плодородной земли шло рука об руку с быстрым развитием обладавших покупательной силой городских потребительных центров, — как это было в размерах, не повторявшихся ни до того, ни после, в *Риме* после объединения Италии и после первых победоносных заморских войн.

Уже и эти последние замечания и многие сделанные выше указывали на то, как сильно 3) *политические судьбы и особенности* отдельных стран должны были влиять на степень развития свободного и несвободного труда в их отношении друг к другу, на размеры капиталистической эксплуатации этого последнего и на ее направление. Резко подчеркнутое Л. М. Гартманом во всем его значении обременение военными повинностями свободного населения являлось премией на рабский труд больше всего *там*, где включавшему в свой состав вооруженных за свой счет крестьян и мелких горожан ополчению из свободных граждан приходилось вести хронические войны крупного стиля, как это было во времена расцвета эллинской демократии и в республиканском Риме. Условия складывались как раз наоборот, когда войско, по крайней мере часть его — было ли это войско феодальное или войско неограниченного властителя, — явилось войском профессиональным, как состоящим из людей, несущих военную повинность, так и наемным, как было в Египте, во многих эллинистических государствах, в позднейшем греческом полисе, в мировой державе позднейших императоров. Но различие в организации труда в этих последних группах государств показывает, что, во всяком случае, одно военное устройство как таковое само по себе не имело решающего значения для степени развития рабства и, следовательно, не определяло окончательно степени и направления в развитии античного капитализма. Напротив, громадное влияние имели тут общие политические основы античной жизни и в особенности обусловливаемый в конце концов политическим строем характер государственного *управления*, в частности управления финансового.

Государственные финансы в своем постепенном развитии из ойка городского князя с его наполненной драгоценным металлом сокровищницей были древнейшим и остаются крупнейшим из всех хозяйственных предприятий (*Wirtschaftsbetriebe*). Они отчасти *заме- няют* собой частное накопление капитала, отчасти они являются его *ускорителем* (*Schrittmacher*), отчасти, наконец, они его *подавляют*.

Что касается того, что они заменяют его, то полнее всего это достигалось бюрократически руководимой организацией принудительных работ (*Robottapparat*) фараонов, которая (первоначально) не знает предпринимателя. Но финансирование больших общественных, сдававшихся на руки *частным* предпринимателям